

Летом 1889 года труппа артистов московского Малого театра ехала из Мариуполя в Одессу на гастроли. На одном пароходе с ними оказался литератор Петр Алексеевич Сергеенко, которого беспокоили тяжелые переживания товарища по Таганрогской гимназии, Антона Чехова, связанные с утратой им своего любимого брата Николая. И поэтому Петр, желая хоть как-то облегчить его положение, поддал мысль артистам предложить Антону Павловичу приехать в Одессу, где он никогда не бывал, и тем самым отвлек его от нервного потрясения.

О Чехове уже тогда много говорили как об интересном литературном таланте.

Александр Павлович Ленский, артист театра, знаменитый Гамлет, Дон Жуан и Сюлливан (Сюлливан — герой комедии Мелевила "Герой и предрассудок". — Авт.), очень любивший Антона Павловича, не только поддержал Сергеенко, но и загорелся желанием сделать все, чтобы Чехов приехал на встречу с труппой на юг. Немедленно была отправлена депеша Чехову, и вскоре было получено сообщение о его приезде.

Артисты Малого театра бывали во многих крупных городах России — Тифлисе, Одессе, Варшаве, Киеве, в волжских городах. Особенно, по выражению одной из актрис, они "любили посещать Одессу, тогда еще красивую благодаря городскому голому Маразли", который много заботился о культурных учреждениях города, "где был чудный большой театр и море, и где публика их хорошо принимала".

Поездки труппы были нелегкими. Частенько города менялись каждый день. Переезды, репетиции, укладка и разборка костюмов, а по вечерам спектакли изматывали их до предела. И поэтому они были счастливы, когда добирались до Одессы и до морских купаний. Здесь у них бывал относительный отдых.

Как-то выдался денек, полный свободы, и всей компанией они отправились на Большой Фонтан. Вдруг откуда ни возьмись показался молодой человек, стройный, изящный, с приятным лицом и небольшой пушистой бородкой. Одет он был в серый костюм, на голове "пирожок", красивый галстук. В общем, элегантный молодой человек. И... о ужас!!! В руках он держит обыкновенный фунтик и... грызет семечки. (Настоящая привычка южан.)

— Это Чехов! — воскликнул кто-то. Все в недоумении: Чехов?! Грызет семечки? Звезда... Литератор... с фунтиком!

Ленский позвал его: — Антон Павлович, идите сюда. Позвольте вас представить нашей артистке Клеопатре Александровне Каратыгиной, которая не верит, что вы Чехов, потому что вы грызете семечки.

Чехов живо подошел и раскланялся: — Я самый и есть. Выписан сюда на гастроли. Не угодно ли? — и предлагает ей семечки.

Уже почти стемнело, когда вся компания уселась на извозчиков, и писатель всю дорогу убеждал артистку Клеопатру погрызть ненавистные ей семечки.

Это было в первый день первого приезда Чехова в Одессу, 5 июля 1889 года.

Вернувшись с Большого Фонтана в город, в "Северную гостиницу", которая находилась в Театральном переулке, 10, всей компанией пошли ужинать. Антон Павлович был мил и прост и пленил всех своим юмором.

Отдых у артистов был обычно после спектакля, когда они могли собраться попить чайку, поесть и поболтать вдоволь. Сборным пунктом всегда был гостиничный номер 48 на четвертом этаже. Собирались обычно А.П. Ленский, О.А. Правдин, И.Н. Греков, М.Ф. Багров — все они были с женами, а также К.А. Каратыгина, Г.А. Панова, Е.П. Александрова.

Однажды у Клеопатры Александровны, которая жила под самой крышей, молодежь театра блаженствовала после спектакля за самоварчиком. Раздался стук в дверь, и на приглашение войти в приотворенную дверь вползло белое длинное узкое "полено".

— Кто там? — Это мы, — и в дверь вошел держащий в руках это "полено", оказав-

шееся длиннейшей белой французской булкой, длинной и худой мужчиной с черной головой, а за ним Антон Павлович Чехов.

— Ради бога, простите, не гоните и напоите чайком. Вот это хлеб-соль, это дыня, и это Сергеенко! Мужичина смиренный, но курящий. Разоружайся! — обратился он к своему попутчику, который стоял с булкой, как солдат с ружьем.

Поднялась суматоха. Комната небольшая, стол тоже, а булка длинная. Пришлось разрезать ее на три части, подстелив на сундук газеты. Потребовали еще стаканов. И их принес старый театральный лакей Михайло, несмотря на позднее время одетый во фрак и белые нитяные перчатки.

Чехов начал извиняться за несвоевременное посещение.

— Подумать только, выписали меня ваши управляющие с тем чтобы меня развлекать, а придешь к ним,

сидят раздетые, едят и читают, и пишут. Считаю и едят. Шелканье счетов, табак... У вас, слышу, смех, жизнь даже после усталости от спектакля. Думаю, сунусь, авось приютят.

Ну и, конечно, приютили. С этого дня и пошло у них с чаепитием такое веселье и смех, какие мог творить только Чехов. И эти веселые вечера скоро получили кличку: "Чаепития с диалогами Антония и Клеопатры" (Чехова и Каратыгиной).

Никто и предполагать не мог, что этот жизнерадостный человек, умевший благодаря своему сверкающему юмору заставлять окружающих забывать все невзгоды, в то время как сам был уже обречен.

Сергеенко, необыкновенно тихий, спокойный, даже чересчур, был полным контрастом всегда подвижному и оживленному Чехову. Он почти никогда не расставался с Чеховым, и поэтому их прозвали "молодой дуб и павлика".

Чехов слышал, что Каратыгина исколесила уже всю Сибирь и Сахалин, и на своей книге "Рассказы", выпущенной в Санкт-Петербурге в 1888 году, сделала дарственную надпись: "Великой Артистке Земли Русской".

Каратыгина была в недоумении. — Что за надпись? Зачем издеваетесь? Никому нельзя будет похвастать вашим подарком, будут смеяться.

— А зачем вы называете меня рядным литератором? Будут смеяться? А пуская покатаются с вами и по-вашему, да потом и смеются.

Чехов и в письмах величал ее "Великой Артисткой Земли Русской".

Как-то Антон Павлович застал Клеопатру Александровну в слезах: ее заставлял исполнять роль Смерти в "Дон Жуане", а она не хочет играть такую роль. Чехов выслушал ее и серьезно сказал:

— Мадам, вы знаете, я доктор. Дайте мне листок бумаги, — он что-то написал и вернул ей листок. — Вот закажите в аптеке и покончите с ними разом.

Она прочла вслух: "Яд для отравления Правдина и Грекова". В номере от смеха задрезали оконные стекла.

В Одессе Чехов пробыл до 15 июля. Перед отъездом он подарил Каратыгиной свою фотографию с надписью: "На память о 48 номере Северной гостиницы от одесского гастролера. А. Чехов".

Уже много позже как-то в разговоре Клеопатра Александровна спросила Антона Павловича:

— Не рассердитесь, если задам вам вопрос?

Он пошутил: — Дерзайте, живы останетесь.

В 1890 году Чехов совершил поездку на Сахалин. Он выехал в эту далекую дорогу 21 апреля, а на обратном пути посетил Индию, Цейлон и через Суэцкий канал и Константинополь вернулся в Европу, а 1 декабря того же года прибыл в Одессу.

В период 1890-1900 гг. он совершил несколько поездок за границу, и в 1894 году снова побывал в Одессе.

12 февраля 1901 года Антон Павлович Чехов по пути из Италии в Крым заехал в Одессу. С ним был его давний знакомый, бывший оперный певец московского Большого театра Виктор Сергеенков, бывший оперный певец выступавший под фамилией Миrows. В 1898 году он оставил сцену и стал редактором-издателем ежемесячного литературного и научно-популярного "Журнала для всех", в котором сотрудничали Чехов, Горький,

после самой короткой беседы с ним по тону речи его, по выражению его глаз, по печальной, но светлой улыбке чувствовалось, что это человек необыкновенный.

Через несколько дней А.М. Федоров со своей женой и сынишкой Витей отправился на извозчике на пристань провожать Чехова в Ялту.

Чехов стоял на палубе в пальто с бархатным воротничком рядом с высоким мужчиной в шубе, Миролюбовым, которого прыткие одесские репортеры прозвали "Шлагбаум" за длинную прямую фигуру.

Антон Павлович, прогуливаясь по палубе с семьей Федорова, разговаривал и шутил с трехлетним Витей, а потом спросил Лидию Карловну, почему она оставила сцену, ведь она была актрисой.

Лидия Карловна, задумавшись на минуту, ответила, что причина этому — намерение уехать за границу.

ЧЕХОВ

В ОДЕССЕ

Андреев, Куприн, Мамин-Сибиряк, В.Р. Ключевский.

В ожидании парохода рейсом на Ялту Чехов и Миролюбов остановились в гостинице "Лондонская" на Приморском бульваре. На следующий день по желанию Антона Павловича повидаться с кем-нибудь из молодых беллетристов Миролюбов отправился разыскивать одесского поэта Александра Митрофановича Федорова и отыскал его в редакции "Одесских новостей".

Федоров, узнав о неожиданном приглашении Чехова, поспешил домой и вбежал возбужденный в комнату, где сидела его жена, Лидия Карловна, с Александром Ивановичем Куприным, который рассказывал о тревоге, не покидавшей его со дня выхода в свет его первой книжки рассказов.

Взволнованный Федоров сообщил неожиданную новость: в Одессе Чехов.

— Лаадно, — недоверчиво протянул Куприн. — Чехов за границей.

— Был, а со вчерашнего дня он здесь. Я у него был, — отвечал Федоров. — Мы вместе гуляли по бульвару, бродили по городу, заходили в магазины, покупали что-то.

— Ужасно как люблю писчебумажные магазины, — говорил он. — Зайдем. Это моя страсть, — поспеивался Антон Павлович. — Люблю бумагу и жаден на нее. А когда письма получаю, всегда чистый листок отрываю и складываю. Хорошо писать на них.

— А нет ли здесь еще кого-нибудь из молодых писателей? — продолжал Антон Павлович.

Федоров назвал Куприна.

— Ну вот, и его приводите с собою.

Куприн упорно отказывался от встречи, опасаясь, что будет чувствовать себя очень неловко, если Чехов уже успел прочесть его первую пробу пера. И чуть позже он добавил:

— Вы посмотрите на мои ботинки. Разве можно в таких ботинках идти к Чехову?

Федоров пообещал по пути к писателю зайти в магазин и купить ему ботинки. Но Куприн категорически отказался.

...Около полуночи они вернулись от Чехова в хорошем веселом настроении, делились впечатлениями.

Куприн был сразу очарован его личностью, обаянием и добротой, исходившей от Чехова.

— Можно ли, взглянув на Чехова, сразу сказать, что это выдающийся человек? — спросил Федоров.

И оба согласились с тем, что даже

— Вот видите, — вмешался в разговор Александр Митрофанович, — мне хочется на Восток, а ей в Рим.

— Не надо было, батенька, жениться на актрисе. Это такой народ... На этом Антон Павлович оборвал разговор и улыбнулся этой безобидной шутке.

Впоследствии полученное от него письмо начиналось так: "Дорогой Александр Митрофанович.

Представьте, я жениусь и представьте, на актрисе".

В этот же день на этом же пароходе ехал со своими дрессированными животными в Севастополь Дуров, и Чехов, взяв за ручку Вито, отправился с ним смотреть зверей. Он, наклоняясь к ребенку, разговаривал с ним и иногда улыбался ласково-трогательной улыбкой. Когда мальчик отошел на минутку и стал заглядывать за борт, Чехов поспешил к нему одновременно с матерью ребенка.

— Бойтесь, чтобы он в море не упал? — обратился к ней Чехов. — А если бы он упал?

— Я бы бросилась за ним.

— И я бы тоже бросился, — тихо и спокойно заметил Антон Павлович и, положив руку на плечо мальчика, отпустил его и не сказал больше ни слова.

Этот добрый большой человек, любящий детей, был способен на такой подвиг.

Потом они наблюдали, как несколько человек с самим Дуровым старались вести на пароход верблюда, а он упрямился и упирался. Пришлось его поднимать лебедкой, а он, беспомощно растопырив длинные ноги, вытянул уродливую, но симпатичную голову с растерянными глазами.

Времени до отхода парохода было еще много, и Чехов пригласил Миролюбова и семью Федорова пить чай. В кают-компании, куда они пошли, за столиком сидела пара и завтракала:

але бритый мужчина в клетчатом пальто и такой же кепке, шея которого была обмотана белым фланелевым шарфом, и нарядная дама. Это был знаменитый дрессировщик Владимир Леонидович Дуров со своей женой. Возле них на полу вертелась маленькая простая собачонка. Дуров стал приказывать своей собачонке Заплетайке делать разные штуки.

Антон Павлович понимал, что это представление затеяно дрессировщиком ради мальчика Витей.

— Это все для тебя. Полюбуйся собачонкой.

Чехов был лично знаком с Дуро-

вым еще с 1887 года. Дуров вспоминал, что история его собачки Каштанки послужила содержанием для известного одноименного рассказа Чехова, написанного писателем с его слов.

Знакомство Федорова с Чеховым произошло за три года до смерти писателя. Сознание тяжелой болезни уже тогда сказывалось в нем. Но даже при этом прежняя шутовость вспыхивала у него веселыми искорками.

В своей записной книжке Федоров сделал запись первого свидания с Чеховым в "Лондонской" гостинице: "Во время разговора Антон Павлович отвернулся от нас, сплюнул мокроту в бумажный фунтик и бросил его в печь".

— Антон Павлович! — прогудел как шмель своей низкой октавой Миролюбов.

Но Чехов, медленно и скорбно ходивший по диагонали комнаты, желая, очевидно, сгладить впечатление от своего кашля, с торжественной серьезностью сказал Миролюбову:

— Прошу обращаться ко мне соответственно чину и званию. Я — почетный академик, значит генерал-с, и потому требую-с величать меня "Ваше превосходительство".

Но тут же, чтобы от его неожиданной шутки не повеяло фамильярностью, Чехов, усмевавшийся сквозь усы, продолжал ходить по диагонали гостиничного номера, заложив руки за спину, серьезно обратился к Миролюбову:

— Да, так что вы хотели сказать, Виктор Сергеевич?

— Нет, я так... собственно, я хотел напомнить, что вам время принять лекарство.

— Виктор Сергеевич, аккуратность — достоинство королей, я же доктор, — отшучивался Чехов.

Еще будучи на пароходе, Лидия Карловна заметила, что Антон Павлович харкает кровью, и сердце ее дрогнуло.

Когда кашель утих, Лидия Карловна увидела, как он вынул из кармана носовой платок и сплюнул в него. На платке она заметила алое пятнышко.

Она была полна любви к этому благородному изумительному человеку и писателю, и тут вдруг почувствовала особенную нежность и жалость к больному человеку.

Чехов покинул Одессу 14 февраля. В этот же день вечернее приложение "Одесских новостей" сообщало: "14 февраля 1901 года Куприн и Федоров провозжали Чехова, уезжавшего пароходом в Ялту".

Когда пароход отчалил, и лица отъезжающих уже стали неразличимы, семья Федорова двинулась к дому.

Лидия Карловна вспоминала: "Пароход вышел из рейда, стал почти незаметен в тумане, а перед глазами неотступно алело пятнышко на платке". Облик Антона Павловича у Лидии Карловны стоял перед глазами, и она сказала мужу, что с первых же слов его беседы сразу чувствовалось, что это за человек.

— Да ведь и скрипка Страдивариуса узнается не по форме и не по окраске, а по нежности и ясности тона, — ответил Александр Митрофанович.

Антон Павлович умер 2 июля 1904 года в немецком курортном городе Баденвейлере. Похоронили его в Москве, в Новодевичьем монастыре.

Когда-то актриса Клеопатра Александровна Каратыгина спросила Антона Павловича:

— Отчего, скажите, несмотря на то, что в большей части ваших рассказов вы можете мертвого расставить, везде у вас звенит какая-то скорбная струна?

Он на мгновение задумался и серьезно ответил:

— А что же на свете веселого, сударыня моя, покажите пальчиком.

Он подвел ее к картине Левитана и любовался живописью.

— Посмотрите, посмотрите какая красота!

А на нее от этой красоты веяло грустью и смертью.

Когда Чехов умер, К.А. Каратыгиной чудился звон скорбных струн и пришли на память его слова: "А что же есть на свете веселого?".

Она взяла цветок с его гроба и прикрепила его к фотографии, что подарил ей А.П. Чехов.

Павел ЦАУДЕР.